

## НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕЙСТВИЯ ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ИЗБРАНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

Представлен анализ практики применения и исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста в уголовном судопроизводстве. Обосновывается вывод о том, что действие современного правового механизма избрания и исполнения указанной меры пресечения не позволяет достичь целей избрания мер пресечения, влечет нарушение прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого, а также лиц, совместно с ним проживающих. Вносятся предложения правового характера по совершенствованию уголовно-процессуальной деятельности в обозначенной сфере.

**Ключевые слова:** домашний арест; контроль; уголовно-исполнительная инспекция; обвиняемый; запреты, наложенные судом.

Включение в систему мер процессуального принуждения меры пресечения в виде домашнего ареста как менее строгой, по сравнению с мерой пресечения в виде заключения под стражу, является проявлением гуманизма уголовной политики российского государства. Целесообразность данного решения законодателя подтверждается устойчивой тенденцией увеличения за последние годы количества решений судов об удовлетворении ходатайства следователя, дознавателя об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста [1].

Между тем анализ практики применения и исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста (ст. 107 УПК РФ) свидетельствует о возникновении в рассматриваемой сфере<sup>1</sup> немалого числа проблем как процессуального, так и организационно-правового характера, приводящих к затягиванию сроков производства по уголовному делу, препятствующих достижению целей применения меры пресечения, влекущих необоснованное ограничение конституционных прав подозреваемого, обвиняемого и лиц, совместно с ним проживающих, и др. Указанное является результатом недостаточной проработанности правового механизма избрания и исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста.

На протяжении 2011–2015 гг. отмечалась устойчивая динамика ежегодного увеличения количества подозреваемых, обвиняемых, в отношении которых судом была избрана анализируемая мера пресечения: в 2011 г. – в 2,0 раза больше, чем в 2010 г., в 2012 г. – в 2,0 раза больше, чем в 2011 г., в 2013 г. – в 1,1 раза больше, чем в 2012 г., в 2014 г. – в 1,2 раза больше, чем в 2013 г., в 2015 г. – 1,4 раза больше, чем в 2014 г. Только в 2016 г. отмеченная динамика изменилась, что проявилось в уменьшении в 1,2 раза, по сравнению с 2015 г. числа подсудимых, в отношении которых судом была избрана мера пресечения в виде домашнего ареста [1]. Рост числа указанных лиц сопровождается все более частым возникновением ряда проблемных ситуаций в правоприменительной деятельности уголовно-исполнительной инспекции (далее – Инспекция), на которую Постановлением Правительства РФ от 16 июня 1997 г. № 729 (в ред. от 23.04.2012 г. № 360) «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и нормативах их штатной численности» возложена обязанность исполнять меру пресечения в виде домашнего ареста (п. 1). Од-

новременно уточним, что уголовно-процессуальным законом (ч. 10 ст. 107 УПК РФ), приказом Минюста России, МВД России, СК России, ФСБ России, ФСКН России от 11 февраля 2016 г. № 26/67/13/105/56 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений» (далее – Порядок) на Инспекцию возложена обязанность осуществлять контроль за соблюдением подозреваемым, обвиняемым, подсудимым<sup>2</sup> наложенных судом ограничений и (или) запретов.

Негативным последствием действия современного правового механизма исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста является то, что контролирующий орган в лице Инспекции лишен возможности единообразно реагировать на нарушение лицом, в отношении которого исполняется домашний арест, запрета и (или) ограничения, наложенного судом, допущенное им на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства. В первом случае, согласно п. 19 Порядка, Инспекция первоначально обязана устно уведомить следователя, дознавателя, в производстве которого находится уголовное дело, в его отсутствие – руководителя следственного органа, начальника органа дознания или начальника подразделения дознания о факте указанного нарушения (в течение 2 ч с момента установления данного факта), затем Инспекция осуществляет то же самое процессуальное действие, но уже в письменной форме и в более длительный период времени – в течение 24 ч с момента установления факта нарушения условий исполнения меры пресечения, одновременно регистрируя этот факт в соответствующем журнале учета. При поступлении уведомления Инспекции о нарушении подозреваемым, обвиняемым условий исполнения домашнего ареста следователь, дознаватель рассматривает вопрос о подаче в суд ходатайства об изменении меры пресечения в виде домашнего ареста (п. 22 Порядка).

При выявлении Инспекцией факта нарушения подсудимым условий исполнения домашнего ареста сотрудник Инспекции проводит проверку факта нарушений условий исполнения меры пресечения и (или) установления отсутствия указанного лица в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего

ареста, по результатам которой составляет заключение, подлежащее утверждению начальником Инспекции (п. 28–30 Порядка). Указанное заключение служит основанием для составления Инспекцией представления об изменении меры пресечения в виде домашнего ареста на более строгую меру пресечения – в виде заключения под стражу, направляемое в суд (ч. 14 ст. 107 УПК РФ, п. 31 Порядка).

Согласно ч. 4, 10 ст. 108, ч. 1 ст. 110 УПК РФ в судебном заседании по разрешению ходатайства об избрании в отношении подсудимого меры пресечения в виде заключения под стражу обязательно присутствует прокурор. Кроме того, следует подчеркнуть то обстоятельство, что уголовно-процессуальный закон накладывает на следователя, дознавателя процессуальную обязанность предварительно согласовывать указанное ходатайство в отношении подозреваемого, обвиняемого соответственно с руководителем следственного органа, прокурором (ч. 3 ст. 108 УПК РФ). В целях обеспечения системности в применении норм уголовно-процессуального закона, а также учитывая практику удовлетворения судами – всего лишь чуть более половины – вносимых Инспекциями представлений о замене меры пресечения в виде домашнего ареста на более строгую – в виде заключения под стражу [2], целесообразным является предварительное согласование Инспекцией анализируемого представления с прокурором. Такое согласование кроме того следует рассматривать в качестве процессуальной гарантии законности и обоснованности обращения Инспекции в суд с целью изменения меры пресечения, избранной в отношении подсудимого. Отмеченное согласование будет способствовать изменению позиции судов при оценке рассматриваемых представлений Инспекций. Последнее в свою очередь позволит повысить общий превентивный потенциал контроля, осуществляемого Инспекцией в порядке ч. 10 ст. 107 УПК РФ, и, как следствие, – снизить количество нарушений запретов и (или) ограничений, предусмотренных п. 3, 4 ч. 7 ст. 107 УПК РФ, подсудимыми, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста.

Системный анализ представленных процессуальных форм деятельности Инспекции при осуществлении одного и того же контроля (единого по своему назначению, установленного единой нормативной правовой базой, осуществляемого единым органом) приводит к выводу о несовершенстве правовой регламентации осуществления Инспекцией указанного контроля, определенной Порядком. Приведем обоснование авторскому утверждению.

Так, не логичной с точки зрения системного толкования законодательства, регламентирующего уголовно-процессуальную деятельность при исполнении рассматриваемой меры пресечения, выступает правовая регламентация процессуальных полномочий Инспекции в случае установления нарушения подозреваемым, обвиняемым условий исполнения домашнего ареста (ч. 14 ст. 107 УПК РФ, п. 19 Порядка). Такая регламентация влечет двуэтапность осуществления уполномоченными субъектами процессуальной деятельности по рассмотрению и разрешению вопроса о

замене меры пресечения в виде домашнего ареста на заключение под стражу, что необоснованно, исходя из содержания принципов уголовного процесса – разумный срок уголовного судопроизводства (ст. 6<sup>1</sup> УПК РФ), и процессуальной экономии<sup>3</sup>.

Первоначально указанные выше доказательства Инспекция представляет следователю, дознавателю, в производстве которого находится уголовное дело. Он их оценивает, по результатам чего принимает одно из двух процессуальных решений: о возбуждении перед судом ходатайства об изменении меры пресечения в виде домашнего ареста либо о невозбуждении отмеченного ходатайства. При этом первое процессуальное решение следователя, дознавателя облекается в письменную форму в виде постановления. Во втором – соответствующий процессуальный документ не составляется.

Если Инспекции удалось доказать следователю, дознавателю наличие факта нарушения подозреваемым, обвиняемым условий исполнения домашнего ареста, то начинается второй этап «движения» доказательств, собранных Инспекцией, – их оценка уже судом в порядке, предусмотренном ст. 17, 88, 108 УПК РФ.

Негативными последствиями такой правовой регламентации процессуального порядка изменения меры пресечения в виде домашнего ареста на заключение под стражу выступает, во-первых, появление волокиты в движении материалов о нарушении подозреваемым, обвиняемым условий домашнего ареста; во-вторых, необоснованное сужение объема полномочий Инспекции на стадии предварительного расследования – лишения ее права непосредственного обращения в суд по указанному вопросу, а не к следователю, дознавателю первоначально, хотя уголовно-процессуальным законом допускается возможность обращения Инспекции по исследуемому вопросу сразу в суд, но только на стадии судебного разбирательства (ч. 14 ст. 107 УПК РФ).

Уголовно-процессуальным кодексом РФ, а также подзаконными нормативными правовыми актами ответственность за качество контроля за соблюдением подозреваемым, обвиняемым ограничений и (или) запретов, установленных судом, возложена исключительно на Инспекцию. Следователь, дознаватель такую ответственность не разделяет ни при каких обстоятельствах. Поэтому вполне естественным выступает и различный подход со стороны следователя, дознавателя, с одной стороны, и Инспекцией – с другой, в оценке собранных контролирующим органом доказательств факта нарушения подозреваемым, обвиняемым условий исполнения домашнего ареста. Кроме того, обращение следователя, дознавателя в суд с целью изменения домашнего ареста на более строгую меру пресечения приводит к увеличению процессуальной нагрузки на него, которое обуславливается необходимостью: 1) подготовки им процессуального документа – постановления о возбуждении перед судом ходатайства о замене меры пресечения в виде домашнего ареста; 2) согласования указанного документа с руководителем следственного органа, дознавателем – соответственно с прокурором; 3) направления материалов, обосновывающие необ-

ходимость избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого, обвиняемого, в суд; 4) уведомления подозреваемого, обвиняемого, защитника, участвующего в уголовном деле, о направлении в суд рассматриваемого ходатайства и др. (ч. 3 ст. 108 УПК РФ). Последнее обстоятельство – увеличение процессуальной нагрузки – не следует нивелировать при оценивании решения следователя, дознавателя об отказе в дальнейшем движении материалов, представленных Инспекцией, на предмет его обоснованности.

Правовой анализ ч. 14 ст. 107, п. 3, 5 ч. 1 ст. 399 УПК РФ свидетельствует о том, что законодатель не исключил Инспекцию, выступающую в роли контролирующего органа, из числа субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Более того, Инспекция наделена рядом процессуальных полномочий, реализуемых ею как в досудебном и судебном производстве, так и на стадии исполнения приговора, что влечет принятие судом юридически значимых для движения уголовного дела, для надлежащего исполнения приговора процессуальных решений. Среди таких полномочий особый практический интерес представляет право Инспекции собирать доказательства, подтверждающие нарушение подсудимым условий применения к нему домашнего ареста, которые представляются суду с целью изменения указанной меры пресечения на более строгую (ч. 1 ст. 110, п. 3 ч. 1 ст. 108 УПК РФ). В данном случае с 2011 г. ни Конституционным Судом РФ, ни Верховным Судом РФ, ни правоприменителями, ни учеными не ставилась под сомнение правомерность наделения Инспекции правом собирать документы для последующего их представления в суд в обоснование внесенного ею представления о замене меры пресечения в виде домашнего ареста. Полагаем, что это объясняется тем обстоятельством, что оценку собранных Инспекцией доказательств, подтверждающих факт нарушения подсудимым условий исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, в конечном итоге осуществляет суд в соответствии со ст. 17, 88 УПК РФ. С учетом мнения сторон – участников судебного заседания данная судом оценка представленных Инспекцией доказательств позволяет определить обоснованность ухудшения правового положения подсудимого, которому домашний арест может быть заменен на заключение под стражу.

Отдельно следует подчеркнуть, что Порядком конкретизируются перечень процессуальных действий, которые обязана осуществить Инспекция при выявлении нарушения подсудимым условий исполнения домашнего ареста, а также их последовательность, уточняется временной интервал принятия соответствующих процессуальных решений и производства процессуальных действий (п. 28–31). В целях упорядочения процессуальной деятельности Инспекции по собиранию анализируемых доказательств Порядок установил перечень документов, материалов, которые представляются в суд в качестве доказательств, подтверждающих факт нарушения подсудимым условий исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста. В качестве таковых выступают

рапорт, объяснения, справки, акты применения технических средств контроля (п. 29 Порядка), данные пульта мониторинга по соблюдению подсудимым условий исполнения домашнего ареста (п. 24 Порядка). Форма большинства из них получила нормативное закрепление (Приложения № 13, 18, 20, 22 к Порядку), что усиливает их доказательственное значение.

Руководствуясь целесообразностью установления единого порядка как осуществления контроля за соблюдением подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, ограничений и (или) запретов, установленных судом, так и реагирования контролирующим органом на выявленные нарушения условий исполнения этой меры пресечения, допущенные указанным подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, необходимым представляется наделение в законодательном порядке Инспекции правом обращения в суд с представлением, согласованным с прокурором, о замене избранной в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста с одновременным уведомлением об этом следователя, дознавателя, в производстве которого находится уголовное дело. Отмеченное требует корректировки уголовно-процессуальных норм, закрепленных ч. 8, 14 ст. 107 УПК РФ.

В развитие указанного целесообразно нормативно определить единый процессуальный порядок реагирования Инспекцией на нарушение подозреваемым, обвиняемым, подсудимым условий исполнения домашнего ареста, руководствуясь содержанием п. 28–31 Порядка. С этой целью содержание п. 19 Порядка необходимо привести в соответствие с п. 28–31 Порядка. Необходимо также закрепление в нормативных правовых актах единого порядка деятельности Инспекции при установлении отсутствия лица, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, – согласно содержанию п. 31 Порядка.

Поскольку сроки досудебного производства регламентированы более жестко (ст. 162, 223 УПК РФ) в сравнении с процессуальными сроками, определяющими продолжительность судебного разбирательства, которые УПК РФ не конкретизированы, то в целях исключения их затягивания целесообразным является сокращение сроков, регламентированных п. 28 и 31 Порядка. В частности, вполне достаточным представляется установление срока – 12 ч (вместо 24 ч) для фиксации факта нарушения в журнале учета нарушений и составления сотрудником Инспекции рапорта начальнику Инспекции, а также для направления в суд представления об изменении меры пресечения в виде домашнего ареста по завершении проверки, оконченной подготовкой заключения по ее результатам. Требуется корректировка содержания и иных пунктов Порядка.

Реализация внесенных предложений законодательного характера позволит унифицировать уголовно-процессуальную деятельность Инспекции при исполнении ею меры пресечения в виде домашнего ареста<sup>4</sup>, что повысит эффективность применения мер

пресечения, ограничивающих конституционные права и свободы личности.

Смежной с указанной выступает иная проблема, возникновение которой обусловлено действием современного правового механизма исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста. В частности, необоснованным представляется лишение законодателем Инспекции права обжаловать решение суда в досудебном и судебном производствах об отказе в удовлетворении представления, по сути – ходатайства, Инспекции об изменении меры пресечения в виде домашнего ареста. Перечень субъектов, наделенных правом как апелляционного, так кассационного, надзорного обжалования, закреплен ч. 1, 2 ст. 389<sup>1</sup>, ст. 401<sup>2</sup>, ч. 1 ст. 412<sup>1</sup> УПК РФ и не включает представителя Инспекции. Отмеченное сужение объема правомочий Инспекции не обоснованно с точки зрения системного толкования норм уголовно-процессуального права в контексте того, что уголовно-процессуальный закон каждого субъекта уголовно-процессуальной деятельности наделяет правом судебного обжалования незаконного или необоснованного процессуального решения или процессуального действия властного субъекта уголовного судопроизводства, включая суд, которые затрагивают его права и законные интересы (п. 14 ч. 4 ст. 47, п. 10 ч. 1 ст. 53, п. 5 ч. 4 ст. 56, п. 3 ч. 3 ст. 60, ч. 1 ст. 123, ст. 125, ч. 1, 2 ст. 389<sup>1</sup> и др. УПК РФ). Исключением является Инспекция, выступающая в рассматриваемом случае контролирующим органом, процессуальный статус которого регламентируется ч. 8, 12, 14 ст. 107 и др. УПК РФ.

В данном случае усматривается прямое нарушение уголовно-процессуальной нормы, закрепляющей принцип уголовного судопроизводства – право на обжалование процессуальных действий и решений (ч. 1 ст. 19 УПК РФ). Нарушение указанного принципа в свою очередь влечет нарушение баланса процессуальных прав субъектов уголовно-процессуальной деятельности, необходимость соблюдения которого установлена основополагающим принципом уголовного судопроизводства – состязательность сторон (ч. 4 ст. 15 УПК РФ).

Не обосновано указанное сужение процессуального статуса Инспекции как контролирующего органа и с точки зрения правоприменительной практики, поскольку порядка 35–45% направляемых Инспекцией представлений о замене домашнего ареста мерой пресечения в виде заключения под стражу оцениваются судом как незаконные или необоснованные [2], что нивелирует положение Инспекции как участника уголовного судопроизводства.

Для правоприменительной практики негативными последствиями лишения Инспекции права обжалования указанных решений суда выступают формирование у подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, в отношении которых судом избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, психологии дозволенности нарушения условий исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и на этом фоне – систематическое нарушение указанными лицами порядка исполнения домашнего ареста. В немалых случаях это спо-

собствует созданию условий для их сокрытия от органов предварительного расследования, суда, от исполнения уголовного наказания, и в конечном итоге препятствует установлению всех обстоятельств по расследуемому и рассматриваемому уголовному делу, надлежащему исполнению приговора суда.

В сложившейся ситуации наделение Инспекции правом обжалования в апелляционном, кассационном и надзорном порядке означало бы появление дополнительных процессуальных гарантий обоснованности разрешения судом представления начальника Инспекции об изменении меры пресечения в виде домашнего ареста, восстановило бы равенство процессуальных прав участников судебного заседания (ч. 3 ст. 107, ст. 108 УПК РФ) в соответствии с принципом уголовного судопроизводства – состязательность сторон, закрепленного ст. 15 УПК РФ.

Таким образом, необходимо скорректировать содержание ч. 2 ст. 389<sup>1</sup>, ч. 1 ст. 401<sup>2</sup> УПК РФ, расширив круг субъектов обжалования и включив в него представителя федерального органа исполнительной власти, который указывается в ч. 10 ст. 107 УПК РФ.

Анализируя практику исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, следует признать, что в правовом регулировании исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста важную роль выполняет Постановление Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за местонахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений» (далее – Постановление). Во-первых, им устанавливается перечень технических средств, которые могут использоваться Инспекцией в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в месте исполнения меры пресечения и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений при избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде домашнего ареста. Во-вторых, отмеченным Постановлением закрепляются правила применения Инспекцией указанных технических средств. Между тем применение правовых положений данного Постановления не позволяет решить вопросы, возникающие при осуществлении контроля Инспекцией. Остановимся на некоторых из них.

*Первое.* Обозначенный в Постановлении перечень технических средств является недостаточным. Обоснование этого заключения автором представлялось ранее [3. С. 95–110]. В настоящее время в целях повышения эффективности осуществления анализируемого контроля актуализировалась необходимость применения Инспекцией иного технического средства – портативного видеорегистратора.

Портативный видеорегистратор – цифровая видеокамера, которая работает автономно и позволяет осуществлять видеозапись на карту памяти. Характеристиками карты памяти являются возможности ее замены, а также неоднократной записи на нее видеoinформации.



Потребность в использовании портативного видеорегистратора обусловлена необходимостью объективной фиксации фактов нарушения запретов и (или) ограничений, установленных судом подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. Одновременно его применение позволит суду также дать объективную оценку осуществляемым сотрудниками Инспекции процессуальным действиям и принимаемым процессуальным решениям на предмет их законности и обоснованности в порядке ч. 14 ст. 107 УПК РФ.

Для определения правового основания допустимости применения Инспекцией портативного видеорегистратора при осуществлении контроля за подозреваемым, обвиняемым, подсудимым при исполнении домашнего ареста практический интерес представляет принятие Федерального закона от 26.04.2016 № 114-ФЗ «О внесении изменений в ст. 26.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в части обязательности отнесения материалов фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи к доказательствам по делу об административном правонарушении». Согласно указанному закону данные видеорегистратора судом теперь рассматриваются в обязательном порядке, а не по усмотрению суда – в качестве доказательства по делу об административном правонарушении. В таком случае самым главным является правильное и своевременное совершение действий по приобщению данной видеозаписи к материалам дела об административном правонарушении. Только при соблюдении указанных условий суд признает видеозапись как допустимое доказательство. В частности, при составлении протокола об административном правонарушении целесообразно в нем указать марку, модель видеорегистратора, серийный номер цифрового носителя информации (флэш-карты), которая содержит видеозапись, дату и время осуществления указываемой в протоколе видеозаписи.

Указанный опыт правового регулирования, а также сложившаяся в этой связи судебную практику целесообразно использовать и в деятельности Инспекции по применению ею портативного видеорегистратора. Полученные с помощью портативного видеорегистратора сведения и оформленные надлежащим образом с большей степенью вероятности будут признаны судом в качестве допустимых доказательств по факту нарушения лицом условий исполнения домашнего ареста.

Для придания юридического значения данным, полученным с помощью портативного регистратора, необходимо п. 1 Постановления Правительства РФ № 134–2013 г. дополнить абзацем в следующей редакции: «Портативный видеорегистратор – цифровая видеокамера, работающая автономно и позволяющая осуществлять видеозапись на карту памяти».

Для обеспечения надлежащего применения указанного технического средства целесообразным представляется и разработка ФСИН России Методических рекомендаций о порядке применения портативных видеорегистраторов сотрудниками Инспекции при осуществлении контроля за нахождением подозрева-

емого, обвиняемого, подсудимого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом ограничений и (или) запретов, в которых следует детально прописать порядок фиксации нарушения подозреваемым, обвиняемым, подсудимым условий исполнения домашнего ареста.

*Второе.* Сложность применения Инспекцией технических средств при исполнении меры пресечения в виде домашнего ареста состоит в создании препятствий к их использованию лицами, совместно проживающими с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым. Она обусловлена как несовершенством правового регулирования порядка избрания судом меры пресечения в виде домашнего ареста, так и несогласованностью правил, содержащихся в Постановлении Правительства № 134–2013 г., и в совместном приказе Минюста России, МВД России, СК России, ФСБ России, ФСКН России от 11 февраля 2016 г. В частности, избирая меру пресечения в виде домашнего ареста, суд в случае совместного проживания с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым в жилом помещении – месте исполнения домашнего ареста иных лиц на законных основаниях, необоснованно, по нашему мнению, не истребует (ч. 1 ст. 107 УПК РФ) их согласия на применение указанной меры пресечения по месту этого жилого помещения.

Отсутствие согласия совместно проживающих с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым лиц на применение меры пресечения в виде домашнего ареста влечет появление в правоприменительной практике непоследовательной позиции указанных лиц, существенно осложняющей осуществление Инспекцией контроля в порядке ч. 10 ст. 107 УПК РФ. В рассматриваемых ситуациях совместно проживающие с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, лица первоначально, как правило, не возражают испытывать ряд неудобств из-за применения технических средств с целью осуществления контроля за нахождением подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений. Но по истечении определенного времени они начинают препятствовать сотрудникам Инспекции исполнять свои должностные обязанности по осуществлению контроля за соблюдением лицом, находящимся под домашним арестом, запретов и (или) ограничений, возложенных на него решением суда.

Анализируя нормативно-правовое регулирование порядка исполнения решения суда о применении домашнего ареста в отношении подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, следует акцентировать внимание на том факте, что процессуальная обязанность получить письменное согласие совместно проживающих на законных основаниях с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым лиц Постановлением Правительства РФ № 134–2013 г. возлагается на Инспекцию и только в случае принятия ею решения об установке устройства аудиовизуального контроля в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста

(п. 8 Постановления). Порядок накладывает на Инспекцию процессуальную обязанность ознакомить совместно проживающих с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым лиц с решением Инспекции об использовании технических средств контроля по месту исполнения домашнего ареста – месту жительства указанных лиц (Приложение 15 к Порядку).

Вполне очевидно, что правовой смысл такого действия, как получение согласия лиц на установку технических средств контроля, не тождествен правовому смыслу иного действия – ознакомление этих лиц с решением об установке технических средств по месту жительства последних. В последнем случае не исключается вероятность отсутствия согласия лиц, проживающих совместно с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, на применение технических средств контроля. Последнее, безусловно, следует расценивать как нарушение конституционных прав лиц, совместно проживающих с лицом, находящимся под домашним арестом, на неприкосновенность жилища, нарушение частной жизни и др., что недопустимо в правовом государстве и что исключает Конституция РФ (ст. 23).

Несовершенство правовой регламентации порядка избрания и исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста влечет появление в правоприменительной деятельности Инспекции нередкие факты проявления недовольства со стороны совместно проживающих с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым лиц по поводу установления в их жилище технических средств контроля за подозреваемым, обвиняемым, подсудимым. В дальнейшем они начинают препятствовать сотрудникам Инспекции в доступе к этим техническим средствам.

В связи с изложенным уголовно-процессуальной нормой, закрепленной ст. 107 УПК РФ, необходимо на властных субъектов судебно-контрольного производства возложить процессуальную обязанность истребовать согласие совместно проживающих с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, в отношении которого разрешается ходатайство об избрании меры

пресечения в виде домашнего ареста, лиц относительно места исполнения домашнего ареста, что позволит на законных основаниях реализовывать меры контроля в жилом помещении, в котором они проживают, и исключить их воспрепятствование исполнению сотрудниками Инспекции своих полномочий согласно ч. 10 ст. 107 УПК РФ.

Обозначенную проблему необходимо разрешить также на нормативном уровне, приведя в соответствие с п. 8 Постановления Правительства РФ № 134–2013 г. содержание п. 23 Порядка и Приложения 15 к Порядку. В частности, изложение п. 23 Порядка следует начать с абзаца в следующей редакции: «Установка аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля осуществляется при наличии письменного согласия лиц, совместно проживающих с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. Указанным лицам одновременно разъясняются последствия применения указанных технических средств и их ответственность, предусмотренная законодательством Российской Федерации, за воспрепятствование осуществления сотрудниками Инспекции контроля за подозреваемым, обвиняемым, подсудимым».

Одновременно необходимо скорректировать содержание Приложение 15 к Порядку, заменив слова «С постановлением ознакомлен» на слова «На установку технического средства контроля согласен (на). Предупрежден (на) об ответственности за воспрепятствование сотрудникам Инспекции в осуществлении контроля».

С учетом изложенного следует заключить, что для полного достижения целей избрания в уголовном судопроизводстве меры пресечения в виде домашнего ареста с соблюдением прав и законных интересов лиц, в отношении которых применяется указанная мера пресечения, а также лиц, совместно с ними проживающих, требуется устранение пробелов и рассогласованности правовых норм в механизме правового регулирования порядка избрания и исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> См., например, Обзор ФСИН России от 27.03.2014 № исх. 19-12773 «О деятельности уголовно-исполнительных инспекций территориальных органов ФСИН России при осуществлении контроля за лицами, которым судом избрана мера пресечения в виде домашнего ареста за 2013 год».

<sup>2</sup> Следует признать неудачным с точки зрения законодательной техники закрепление совместным приказом от 11 февраля 2016 г. понятия «лицо, нарушившее условия исполнения меры пресечения после назначения судебного разбирательства». Оно является громоздким, поэтому затрудняет понимание его правового смысла. Согласно ч. 2 ст. 47 УПК РФ указанное лицо фактически является участником уголовного судопроизводства, именуемым подсудимым. Использование в данном приказе термина «подсудимый» позволило бы его текст сделать более лаконичным, более доступным для восприятия, а значит, и более удобным для правоприменения. Руководствуясь изложенным, в представленной научной работе автор оперирует понятием «подсудимый».

<sup>3</sup> Принцип процессуальной экономии хотя и не получил законодательного закрепления в уголовно-процессуальном законе, но является общепризнанным со стороны юридического сообщества. См., например: [4. С. 171–175].

<sup>4</sup> Раскрывая обозначенную проблему, автор не ставил перед собой задачу – теоретическое обоснование целесообразности наделения Инспекции правом обращения в суд с представлением об изменении меры пресечения. Решение данной задачи – самостоятельное, глубокое научно-практическое исследование, которое, безусловно, является актуальным. Его значимость обусловлена тем обстоятельством, что до недавнего времени Инспекция осуществляла свои полномочия в уголовном судопроизводстве исключительно на стадии исполнения приговора, на которой применяются нормы уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права [5]. С декабря 2011 г. пределы реализации полномочий Инспекции расширены, поскольку стали охватывать досудебное и судебное производство по уголовным делам в связи с исполнением меры пресечения в виде домашнего ареста. Такое изменение правового статуса Инспекции, а также поиск в данной связи ответов на частные вопросы (например, «может ли Инспекция инициировать отмену меры пресечения?») – предмет отдельного научного исследования.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2010–2016 гг. Раздел 4. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц). URL: [www.cdep.ru](http://www.cdep.ru) (дата обращения: 22.05.2017).
2. Статистика ФСИН России по форме ФСИН-1, утвержденной приказом ФСИН России от 01.08.2014 г. № 398. Раздел 15.
3. Малышева О.А. Уголовно-процессуальные основы исполнения приговора. М., 2017.
4. Петрухин И.Л., Батунов Г.П., Моршчак Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979.
5. Булатов Б.Б., Николук В.В. Проблемы согласования (преодоления конкуренции) норм УПК РФ и УИК РФ // Российская юстиция. 2014. № 2.

Статья представлена научной редакцией «Право» 4 февраля 2018 г.

### THE ADVERSE EFFECT OF THE ACTION OF THE LEGAL MECHANISM OF APPLYING HOUSE ARREST AS A MEASURE OF RESTRAINT

*Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2018, 427, 215–221.

DOI: 10.17223/15617793/427/30

**Olga A. Malysheva**, Academy of Law and Management of the Federal Penal Service of Russia (Ryazan, Russian Federation).

E-mail: [moa\\_0510@mail.ru](mailto:moa_0510@mail.ru)

**Keywords:** house arrest; control; criminal executive inspection; defendant; prohibitions imposed by court.

Inclusion of house arrest as a measure of restraint that is less stringent than detention in the system of procedural compulsion measures is a manifestation of humanity of the criminal policy of the Russian state. However, the analysis of the application and execution of house arrest (Article 107 of the RF Code of Criminal Procedure) shows a considerable number of problems. These problems lead to delays in criminal proceedings, which prevents the achievement of the purposes of the application of the preventive measure and entails an unjustified restriction of the constitutional rights of the suspects, the accused and persons living together with them, etc. This situation is a result of the insufficient elaboration of the legal framework of the choice and execution of house arrest as a preventive measure. In particular, the probation department is devoid of the ability to consistently respond to the violation by persons under house arrest of the ban and/or the restrictions imposed by the court that the persons made at the stage of preliminary investigation and trial. The negative consequences of this are red tape in the processing of materials about the suspect's violation of the terms of house arrest, an increase in the number of these violations and failure of the imposed measure. The imperfection of the legal regulation of house arrest execution is evidenced by the fact that the probation department was deprived of the right to appeal the court's decision on refusal to satisfy petitions of the department to change the measure of restraint from house arrest to detention. The negative impact observed is that the suspects, the accused, the defendants under house arrest form the idea of permissibility of violations of the conditions of house arrest, which frequently leads to their subsequent concealment from the bodies of preliminary investigation, judgment, from execution of criminal punishment. A negative consequence of choosing house arrest as a measure of restraint is also manifested in the fact that in frequent cases persons living together with a person under house arrest block the access of the probation department to the technical devices that monitor the behavior of this person. This prevents the enforcement of the legislative regulation under Part 10 of Article 107 of the RF Code of Criminal Procedure. Given the above, elimination of gaps and inconsistency of legal norms in the legal regulation of house arrest as a measure of restraint is required. The author makes relevant proposals.

## REFERENCES

1. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nykh sudov obshchey yurisdiktsii i mirovykh sudey za 2010–2016 gg.* [Consolidated statistical data on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2010–2016]. Section 4. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru>. (Accessed: 22.05.2017).
2. Federal Penitentiary Service of Russia. (2014) *Statistika FSIN Rossii po forme FSIN-1, utverzhdennoy prikazom FSIN Rossii ot 01.08.2014 g. № 398* [Statistics of the Federal Penitentiary Service of Russia in the form FSIN-1, approved by the order of the Federal Penitentiary Service of Russia of 01.08.2014 No. 398]. Section 15.
3. Malysheva, O.A. (2017) *Ugolovno-protsessual'nye osnovy ispolneniya prigovora* [Criminal procedural bases of execution of a sentence]. Moscow: Norma: INFRA-M.
4. Petrukhin, I.L., Baturon, G.P. & Morshchakova, T.G. (1979) *Teoreticheskie osnovy effektivnosti pravosudiya* [heoretical bases of efficiency of justice]. Moscow: Nauka.
5. Bulatov, B.B. & Nikoluk, V.V. (2014) Problemy soglasovaniya (preodoleniya konkurentsii) norm UPK RF i UIK RF [Problems of harmonization (overcoming competition) of the norms of the Code of Criminal Procedure and the Correctional Code of the RF]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justice*. 2.

Received: 04 February 2018